

Валерий Ухандеев

г. Польшаево

***

Снег перетянутый шпагатом тропы.
Сноп зим у ног воспоминания.
Снег оживленный или снег пустынный
Когда – то в своих снах остался без меня
Мел бытия в руке творца
И школьная доска как ночь перед глазами.
Крошился мел, шел снег водушевленный
И имя невесомое мое
Опустилось на ладонь мамы.

***

Густые дороги города
Словно корни,
Озеркаленной обнаженности стен
Современного домостроя.

***

На мягком послесентябрьском пространстве
Зимозвательное воскресение снегословности.

***

Осенний дождь
Разорил земляную дорогу.

***

Озеро
Горстка берега хранит
Ночную тишину
Наступившего неба.

***

Осенёный Селеной город
Идет все, само собой.
Опавшие листья. Короб
Последний второй.

Вычеркивает молчание
Из памяти снега
Скрипучие прозябание
Когда с пешеходом беседует.

Словно скрипят уключины
Лодочного переулка.
Сглажен покровом паучьим
Чердачной отдушины угол.

В ночном воспаленном горле
Вечности лунный ком.
Окно превратится вскоре
В лист, разлинованный льдом.

И будут царапины слова
Как прошлое глубоки.
Оконный конверт адресован,
Я знаю, но все же солги.

***

Обложка памяти окно, где шарф дороги
Спасает от простуды тишину.
Голос может быть чуть дрогнет
Когда закат перешагну.
Ночь холст Малевича расшторила
К столетию оконных рам.
И свое имя как валежник в Горной Шории
Я собираю тут и там.
Рукав заката. Старческие плечи
Столярных рам.
Пес во дворе перечит
Словоохотливым котам.
И черновик косоворотка
Третьего часа ночи,
Хотя на эту ткань
Спрос до бессмертия отсрочен.
Ткань с нитью почерка шелкопряда
Ручки перьевого
Прошлое всеядно.
Пусть все идет, само собой.

***

Острым углом к искомому
Мировоззрения штрих.
Окно диафрагма комнаты
Мыслей мерцательных.

Бытоизломанность в корне
Стола ствола слов.
Тетрадь. Перочинный затворник
Стер стопы кириллицы в кровь.

Строка словно черная кошка
Прошла между этим и тем
Очертанием мира. Продолжена
Клинописью изотерм.

Спускаться всегда опрометчиво
В провалы температур,
В рутину противоречий
Души и игольчатой ртути.

Прошлое скомкано
Оконной пятерней,
Осталась пуповина телефонная
Комнаты нежилой.

***

На книжной полке
Полуразобранный «Вальтер»
И разобранный на цитаты Вольтер.
В созвучии прижизненных изданий
Присутствует интервьюер
Старик за запыленной
Занавеской рая.
Он излучает седину и вечность
И соответствует словесности молчания.
И тишиной забальзамированный перечень
Вопросов.
Взгляд его утяжеляет.
И Бог весть из какого смысла
Восходят вещи на разломы слов.
Окно – стенд угольной промышленности
Ржавеющий на штыках уклонов.
Тропой как будто бы шпагатом
К фундаменту девятой пятилетки
Пустырь притянут крепко по-советски.
И все же взгляд уходит выше
И к Слову.
Столярные лямки окон
Наброшены на облака.
Может и впрямь
Нам уготован
Закат особый.

***

Память первого снега
Ненадежна как ржавый сентябрь,
Потерявший себя в отсеках
Субмарины на стапелях дна дня.

Свечи вечер обманут,
В комнате сентября
Дрова как приправа пряная
Каминного озарения.

К грядущему прошлым притронешься
И совпадут снега
И станет губительным второе
Ход мыслей будильника.

И вязкое произношение
Стихотворения обретает смысл
Божественный как для кошачьих ушей
Мое кыс-кыс.